МЕЖДУ

Обыкновенная история про ужас, летящий на крыльях ночи

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

С е р г е й Я к о в л е в – писатель.

К с е н и я – его жена.

П а в е л – их сын.

В я ч е с л а в К р у г л о в – следователь.

Н и к о л а й Л и х о н о с – журналист.

Н а т а л ь я – однокурсница Яковлева.

В а л е р и й – коллега Яковлева.

Ю р и й – литературный агент.

Г р и г о р и й П р и т у л я к – фермер.

Е л е н а – его жена.

Л и з а – их дочь.

Б о р и с, А л е к с а н д р - оперативники

А н а т о л и й П е т р о в и ч – селянин-пенсионер.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Небольшой уголок правой части сцены занимают небогатая тахта у проема окна и прикроватная тумбочка с горящим ночником. Остальное пространство в темноте. На тахте спит Я к о в л е в.

Постепенно возникают звуки, сопровождающие быт деревенской жизни. Слева из затемнения проявляется картина заселения семейства в фермерский дом. Почти все пространство сцены занимает большой двор хутора, стоящего в лесостепи на излучине пыльного профиля. Заметно крыльцо избы и примыкающий к ней большой сарай с широко распахнутыми воротами. У крыльца стоят торшер, стулья, на которых лежат связки книг. В кресле сидит Л и з а, рассматривает модный журнал.

Параллельно с этим процессом Я к о в л е в встает с тахты, вынимает из ящика тумбочки полевой бинокль. Наводит его на фермерский двор, внезапно съёживается и прячется за тумбочку.

За сценой хлопает дверь кабины грузовика, заводится мотор и слышен шум удаляющейся машины.

К Л и з е подходит Е л е н а П р и т у л я к.

Е л е н а *(садится на стул)*: Две лишних сотни, паразит, выклянчил. Я, говорит, не нанимался вам вещи из кузова подавать. Моё дело баранку крутить, а на подай-принеси грузчиков из города выписывать нужно было. Это их, значит, сюда за пятьдесят километров притартай, потом назад отправь да работу оплати. Может, для городских три-четыре тыщи и лишние, а у нас этот номер не пройдет. Мы уж сами как-нибудь, потихоньку… Отец-то куда подевался, Лиза?

Л и з а кивает в сторону дома.

Чего он там копошится? Тут вещей-то осталось всего ничего. А мне ещё обед готовить на новом месте. *(Уходит в дом).*

Я к о в л е в кладёт бинокль, крадучись перемещается во двор. Заглядывает в окна дома, заходит в сарай, трогает стены, оглядывается. Выходит во двор, стоит за спиной у Л и з ы.

Внезапно распахивается дверь дома, и на крыльцо выскакивает Г р и г о р и й П р и т у л я к с бутылкой пива в руке. Я к о в л е в замирает в неловкой позе.

Г р и г о р и й *(в открытую дверь)*: Ты знаешь что? Ты, эта. Я ведь по такой жаре только пива взял. А мог бы Лёху с Петровичем позвать – куда ловчее бы управились. Ну, и новоселье бы отметили, не без того. *(Поворачивается к Л и з е с Я к о в л е в ы м, замолкает).* Это ещё что?! *(Забирает у Л и з ы журнал).* Ты у меня такое ни в жисть не наденешь, ясно? Не хватало нам с матерью ещё здесь замечания из школы получать.

Л и з а: Здесь до райцентра два километра. Разбежались учителя к тебе ноги бить, жаловаться.

Г р и г о р и й *(пододвигает стул к креслу, садится спиной к Я к о в л е в у, обнимает Л и з у):* Я ж все понимаю, доча. Тебе ж теперь в новую школу ходить, новых друзей заводить – непросто это. Но в посёлке-то подружки у тебя все такие оторвы были, прости господи. Мы ж ещё и от них тебя сюда увезли, а то начала б на мотоциклах с парнями кататься каждой ночью, как Танька твоя. Греха потом не оберёшься.

Я к о в л е в аккуратно выпрямляется, начинает уходить на цыпочках в сторону своей комнаты, затем возвращается на прежнее место, откашливается. На него никто не обращает внимания.

Л и з а: Какого греха, папка? Юбку короткую надела – уже согрешила, да? Ну что вы за люди такие? Будет нужно, я и здесь себе мотоциклистов найду и спрашивать никого не стану.

Г р и г о р и й : Не выдумывай. Райцентр хороший, автобус школьный мимо дома будет ездить. Ты учись только. А мы пока обживёмся – скотину вот купим, хозяйство наладим. За пару лет денег накопим тебе на институт.

Л и з а: Ага, старайтесь, животноводы.

Во время диалога Я к о в л е в ходит перед Г р и г о р и е м и Л и з о й, пощёлкивая пальцами, хлопая в ладоши. Потом берёт стул и садится рядом с ними.

На крыльце появляется Е л е н а.

Е л е н а: Вы долго прохлаждаться собираетесь? Гриша, ты ж мне ещё погреб сегодня обещал докопать. Иди уже, мы тут с Лизой сами все затащим. Давай, доча, помогай.

Л и з а с Е л е н о й уходят в дом с поклажей. Г р и г о р и й достаёт из сарая лопату. Во двор заходит А н а т о л и й П е т р о в и ч, прислоняет велосипед к забору.

А н а т о л и й П е т р о в и ч: Здравствуйте, хозяева!

Г р и г о р и й: Доброго здоровья!

А н а т о л и й П е т р о в и ч: Пять лет дом пустовал. Теперь, значит, вы его купили.

Г р и г о р и й: Выходит, так.

А н а т о л и й П е т р о в и ч: Анатолий Петрович меня зовут.

Г р и г о р и й : Григорий.

А н а т о л и й П е т р о в и ч: И правильно, Гриша, хороший дом, обстоятельный. А у меня вон тот, заколоченный. Сам-то давно уже в райцентр перебрался, но огород здесь держу. Вот, помидоры с огурцами приехал полить. Жара-то нынче какая стоит, а?

Г р и г о р и й: Давно такой весны не припомню. Вода-то нормальная здесь, не засолённая?

А н а т о л и й П е т р о в и ч: И даже не сомневайтесь. У меня в колодце считай что родниковая. Да и Валентина никогда на воду не жаловалась. Как она там в городе? Уехала - и с тех пор ни слуху, ни духу.

Г р и г о р и й: Кто?

А н а т о л и й П е т р о в и ч: Так Валентина Герасимовна. Вы ж у неё хозяйство покупали?

Г р и г о р и й: А, нет. Объявление в газете нашли, позвонили какому-то ротвейлеру, что ли, который квартирами с домами торгует. У него и купили.

А н а т о л и й П е т р о в и ч: Ну да, ну да. Валентину, значит, не видели. Сами-то городские, нет?

Г р и г о р и й: С посёлка.

А н а т о л и й П е т р о в и ч: Ну, считай что наши, деревенские. Земли у Валентины много было, постройки опять же. Чем тут жить собираетесь?

Г р и г о р и й: Поросей хочу купить.

А н а т о л и й П е т р о в и ч: Не поздновато? Лето скоро наступит.

Г р и г о р и й: Лучше пораньше было бы, конечно, но так уж получилось.

А н а т о л и й П е т р о в и ч: Ну да, ну да. Так картошечку у меня прикупайте свинушек кормить, пока свою не вырастили. Тут прямо за забором деляна моя.

Г р и г о р и й: Это уж как водится, по-соседски.

А н а т о л и й П е т р о в и ч: Вот и ладненько. А Валентину, выходит, не повидали, жалко. Узнать хотел, как там у неё с девочками – нашлись ли, нет? Семья-то большая у тебя, Гриша?

Г р и г о р и й: Жена с дочерью.

А н а т о л и й П е т р о в и ч: И большая дочка-то?

Г р и г о р и й: Пятнадцатый пошел.

А н а т о л и й П е т р о в и ч: Вот, значит, как. А у Валентины двое было: Насте тринадцать и Вере пятнадцать. А тут горе такое.

Г р и г о р и й: Случилось чего?

А н а т о л и й П е т р о в и ч: Случилось, как не случиться. Пять лет назад осенью и случилось. Валентина в город к сестре поехала на выходные с утра в субботу, а девчонки после школы должны были вслед за ней отправиться на автобусе. Только сели они, говорят, не на автобус, а в какую-то машину на автостанции – и всё, пропали с концами. Не слышали разве? Розыск объявляли, по телевизору показывали, портреты во всех газетах были…

Г р и г о р и й: Погоди-ка, как тебя, Петрович, погоди. Сейчас я. *(Поднимается на крыльцо, кричит в открытую дверь).* Мать, поди сюда! Да поживей давай, и Лизу позови… Подожди, сосед, моим тоже знать нужно.

Из дома выходят Е л е н а с Л и з о й.

Е л е н а: Здравствуйте.

Л и з а: Здрасьте.

А н а т о л и й П е т р о в и ч: Здравствуйте, девушки. Вот какие красавицы теперь на хуторе жить будут! Глядишь, за вами и другие потянутся. В Перфильевке, неподалеку, сразу две семьи из города переехали. Не поверишь, они у себя…

Г р и г о р и й: Это чья затея была здесь дом купить?

Л и з а: Ваша, ваша. Мне и в посёлке хорошо было.

Г р и г о р и й *(Елене)*: Ты не отмалчивайся. Кто здесь поросей мечтал завести?

Е л е н а: И что? Пасеку тебе нужно было купить в Поливино? Так на мёде разве ж проживешь? Им вон в городе все рынки завалены. А на свинину всегда спрос есть, её каждый сейчас берёт – хоть ты татарин, хоть еврей.

Г р и г о р и й: Да погоди ты со своей обрезью. Послушай лучше, что Петрович говорит.

А н а т о л и й П е т р о в и ч: Я и сам обрезь. Мне в малолетстве отец обрезание устроил. Выпивали они с Хайрулкой-татарином, заспорили. Тот за муллой сбегал: чик – и готово. Теперь мне хоть в Иран, хоть в Израиль можно. Везде за своего примут.

Г р и г о р и й: Ты чего там, еврей начинающий, про девчонок здешних рассказывал?

А н а т о л и й П е т р о в и ч: Евреи - это те, кто русский народ спаивает. Или там зубные врачи. А нам это ни к чему. У мусульман хоть жён можно менять чуть не каждый вторник. Там, читал я, мужчина может выйти на улицу, в ладоши хлопнуть и три раза крикнуть: «Развод!». Всё, считай что охолостел. А ты попробуй так с еврейкой развестись – она ж первая тебе холостяцкий холокост устроит. Будь ты

хоть русский, хоть чучмек. Думаю, не зря на этот Израиль арабы косятся. Я бы на их месте…

Г р и г о р и й: Дед, политинформацию в другой раз дочитаешь.

А н а т о л и й П е т р о в и ч: Так, а чего? Я и говорю: жила тут до вас Валентина Герасимовна с двумя дочерьми. Пять лет назад девчонки пропали. Их и спасатели искали, и милиция с собаками, и местный народ помогал – всё без толку. Шумная история была, что ты! Валентина потом в город подалась – вроде как туда они на чужой машине поехали. Чем дело кончилось, не знаю, врать не буду. Да поди если б нашлись, то вернулась бы. Хозяйство тут у неё знатное было и дом отличный до сих пор. Так что не прогадали вы, точно говорю.

Е л е н а: Вот беда-то. Помню я эту историю. Их, значит, дом.

А н а т о л и й П е т р о в и ч: Их, милая, их. Ладно, спасибо за разговор, за компанию. Приятно вам обустроиться. Поеду я. Даст бог, часто видеться теперь будем.

Л и з а: До свидания, дедушка.

А н а т о л и й П е т р о в и ч уходит с велосипедом.

Г р и г о р и й : Такие, выходит, дела. То-то мне этот твой ротвейлер сразу не понравился.

Л и з а: Риэллтор.

Г р и г о р и й: Да хоть рубильник! Как он этот дом расписывал, на машине своей сюда возил, скидку дал чуть не вполовину. А я говорил, пасеку нужно было покупать, пасеку!

Л и з а: Ага, чтобы пчелы нас там всех закусали.

Г р и г о р и й: Ты слышала, что тебе тут сейчас рассказывали? Ни на шаг у меня одна из дома, поняла? Ни на шаг!

Е л е н а: Ох, Гриша, кто же знал-то?

Г р и г о р и й: Ладно, что теперь. Давайте с вещами заканчивать. Квас есть?

Е л е н а: Тёплый только. Ты ж погреб еще не выкопал.

Г р и г о р и й: Тьфу ты! Пошли.

Л и з а с Е л е н о й несут вдвоём в дом кресло. Г р и г о р и й подходит к стулу, на котором сидит Я к о в л е в. Тот вскакивает, Г р и г о р и й берёт стул, связку книг и уносит их вслед за домочадцами.

Я к о в л е в ходит по двору. Забредает в сарай, садится на скамейку и замирает.

Г р и г о р и й выходит из дома, берёт лопату, точит несколькими движениями бруска и направляется в сарай. Вскочивший на ноги Я к о в л е в наблюдает за ним в безотчётной, звериной панике.

Г р и г о р и й всаживает заступ в землю. Быстро и ловко выбрасывает грунт из аккуратного квадрата под погреб, погружаясь все глубже. Я к о в л е в напряженно чего-то ждёт.

Заглубившись по пояс, Г р и г о р и й попадает лопатой по доскам. Несколько раз раздается глухой деревянный звук. Я к о в л е в идёт к себе в комнату, падает на тахту и накрывает голову подушкой.

Г р и г о р и й пытается разбить лопатой невесть откуда взявшиеся под землёй доски. Наклоняется, раздается треск разламываемого дерева. Пауза.

Вдруг Г р и г о р и й резко выпрямляется.

Г р и г о р и й: О, бля! Ни хера себе!

Суматошно выбирается из ямы, невнятно ругаясь и крестясь, бежит в дом, захлопывает дверь. Раздается звук свалившейся мебели и разбившейся посуды. И почти сразу громкие неразборчивые крики семейства Притуляк.

Резко гаснет свет и прекращается шум. Сцена освещается только ночником на прикроватной тумбочке.

Через несколько секунд звонит будильник. Я к о в л е в медленно просыпается, выключает звонок, садится на тахту, оглядывается и массирует грудь.

Я к о в л е в: Вот же. Чуть не задохнулся. Хорошо-то как.

Открывает форточку, дышит полной грудью.

Свежо.

Выходит из комнаты. За кулисами раздается звук включённого душа.

СЦЕНА ВТОРАЯ

В правой части сцены Я к о в л е в и Н а т а л ь я сидят на лавочке в сквере, едят мороженое.

Н а т а л ь я: Вчера Руфика в кафе встретила. Лысый совсем стал. Поболтали.

Я к о в л е в: Как он?

Н а т а л ь я: Нормально, замдиректора фирмы-какой-то. С Алёнкой развелся лет пять назад. В порядке, на джипе. В гости звал.

Я к о в л е в: Сходи.

Н а т а л ь я: Зачем?

Я к о в л е в: Поболтать.

Н а т а л ь я: Ты дурак, Яковлев. У нас с Рудольфом были совершенно романтические отношения на первом курсе – и ты это отлично знаешь.

Я к о в л е в: Джип, говоришь? Японский?

Н а т а л ь я: Не знаю. Большой.

Я к о в л е в: Он же рохлей был – ты помнишь? Но однажды вызвал меня в шестом корпусе на серьёзный мужской разговор. Очки так по-смешному поддёрнул и говорит: «Мне, Серёга, спросить у тебя кое-что нужно. Пойдем на крыльцо, покурим». А там народ между пар толпится. Ну, решили прогулять лекцию, отправились в парк. Я чувствую, что разговор о тебе будет: и неловко как-то, маетно – ну что я ему могу ответить? А он, знаешь, только одно сказал: «Сделай так, чтобы Наташка была счастлива всю оставшуюся жизнь. Пусть с тобой – но чтобы счастлива». Вот так.

Н а т а л ь я: А ты?

Я к о в л е в: А что я? Пообещал, конечно. Потом на хоккей переключились, чемпионат мира как раз шёл. Чего-то вдруг вспомнилось.

Н а т а л ь я: Ты не рассказывал.

Я к о в л е в: Да я и забыл тут же. Что мне этот Руфик, мы и приятелями-то с ним никогда не были.

Н а т а л ь я: Обещания нужно выполнять, не находишь?

Я к о в л е в: Нахожу. Теряю и нахожу, нахожу – теряю. Ну чего ты, Наташа? Нормально же всё.

Н а т а л ь я: Нормально. Ведь ты же никогда не обещал сделать меня счастливой. Мне не обещал, я и не настаивала. А обещания другим не считаются: я-то здесь причем? Это ваши с Руфой дела.

Я к о в л е в: У меня нет с ним никаких дел, к сожалению. А неплохо было бы Руфика подтянуть спонсором на книжку.

Н а т а л ь я: Тебе очередное издательство отказало?

Я к о в л е в: Кому сейчас нужен психологический роман? Детективы писать я не умею, постмодернизм не понимаю, лавстори и пробовать не буду.

Н а т а л ь я: Конечно. Какие уж тут лавстори.

Я к о в л е в: Ты же понимаешь, о чём я.

Н а т а л ь я: Ты тоже понимаешь.

Я к о в л е в: Наташа, для меня очень важно напечатать этот роман. Это настоящее – я чувствую, знаю. Первая книжка больше, чем первая любовь. Потом будет проще, потом можно вступить в Союз писателей, найти литературного агента. Главное сейчас пробиться к читателю: он оценит, я верю. Столько бездарного кругом, а у меня – живое, тёплое… Тебе же понравилось, или ты из вежливости?

Н а т а л ь я: Понравилось, Серёжа. Ты правда очень талантливый, а талантливый человек талантлив во всем. Книжка, значит, больше, чем любовь? Молодец, умеешь. Ты и дома афоризмами разговариваешь?

Я к о в л е в: Ладно, я не сделал тебя счастливой. Напиши об этом в газету.

Н а т а л ь я: Твое дело писать. Моё – тебя любить… *(После паузы)*. Нежная какая нынче осень – солнышко, теплынь. Всё, я вернусь минут через двадцать: Юлька наверное уже ждёт с ключами. Не скучай, у нас впереди замечательный вечер.

Н а т а л ь я уходит. Я к о в л е в задумчиво курит. Затем откидывается на спинку лавочки и закрывает глаза.

Медленно освещается уже знакомый двор хутора. У дверей сарая на земле под полиэтиленом угадываются очертания двух тел. Рядом стоят Б о р и с и А л е к с а н д р.

Б о р и с: Опять шумиха поднимется: «Найдены тела пропавших школьниц», «Маньяки среди нас», «За что мы платим деньги полиции?». Начальство будет нервничать и требовать результат.

А л е к с а н д р: Пять лет прошло, какой результат?

Б о р и с: Мгновенный, как водится. Трупы появились, дело вновь откроется, общественность воспламенится. Все как обычно.

А л е к с а н д р: Тебе привыкать, что ли, крайним быть?

Б о р и с: Нет. Но противно.

Я к о в л е в встаёт со скамейки, спокойно идет во двор, садится на завалинку. Вслушивается в разговор оперов, не видящих его в упор.

А л е к с а н д р: Следак новый, дотошный, говорят. Будет землю рыть. Чудеса бывают.

Б о р и с: На чудеса надейся, а сам не плошай. Хорошо бы, конечно, эту сволочь прищучить.

А л е к с а н д р: Вспомни Червя. Преподаватель, кандидат наук – милейшей души человек, а вон чего вытворял. Только ведь через три года его взяли. Глядишь, и этого урода найдем.

У Б о р и с а звонит мобильный телефон.

Б о р и с: Да, товарищ майор. Осмотр места провели, хозяев опросили. Сейчас возвращаемся в райцентр, там будем работать по машине. Криминалисты уже освободились. *(Выключает трубку).* Пора, поехали.

Б о р и с с А л е к с а н д р о м уходят со двора. Слышен звук отъезжающей машины.

Я к о в л е в подходит к телам, присаживается на корточки. Идёт в сарай, заглядывает в раскоп, потом находит колченогий стул, выносит его на улицу, садится спиной к сараю.

Из дома выходят К р у г л о в и Г р и г о р и й П р и т у л я к.

Г р и г о р и й: Не, он фамилию не говорил, только имя-отчество. Вежливый такой, ага, услужливый. Скидку большую дал, чтоб меня. Найдёте вы его, не сомневайтесь. Там одна эта контора по недвижимости, весь первый этаж занимает… И что ж будет-то теперь?

К р у г л о в: Шумно тут у вас будет. Ничего, через неделю всё утрясётся. Живите спокойно.

Г р и г о р и й: Как же спокойно-то? Нет, говорил ведь пасеку нужно было покупать в Поливино – принёс сюда черт.

К р у г л о в: Ну, дело ваше. Вот моя визитка на всякий случай. Ступайте, домашних успокойте. Кажется, труповозка едет.

Г р и г о р и й уходит в дом. Стихает шум двигателя, и во дворе появляется Л и х о н о с.

К р у г л о в: Началось. Здравствуйте, Николай.

Л и х о н о с: День добрый, Вячеслав Алексеевич.

К р у г л о в: У вас, журналистов, смотрю, чем больше трупов, тем добрее день.

Л и х о н о с: Извините, работа такая.

К р у г л о в: Бог простит. Но комментариев не будет.

Л и х о н о с: Кто бы сомневался. Значит, так. В доме, что в двух километрах от райцентра, обнаружены тела двух девочек, которых наши доблестные органы бездарно искали пять с лишним лет. Трупы случайно обнаружил новый владелец фермы, купивший её по объявлению в газете. Семья фермера находится в шоке, правоохранители в прострации. Общественность возмущена бездеятельностью должностных лиц. Я ничего не забыл? Примерно такой текст и выйдет в следующем номере. Там ещё много чего будет, но основной посыл вот такой. Материал на полосу, не обессудьте.

К р у г л о в: Валяйте.

Л и х о н о с: Тогда я пошёл? Редактор ждёт с нетерпением.

К р у г л о в: Послушайте, Лихонос. Вы же понимаете, что у нас появилась точка отсчёта. И вы понимаете, что мы теперь нароем очень много. И что шансы найти ублюдка сейчас более чем реальны. Зачем вам лить на нас помои?

Л и х о н о с: А затем, что наш читатель вас не любит. И он в своем безусловном праве.

К р у г л о в: Меня?

Л и х о н о с: Выключайте уже дурака, Круглов. Вас, которые в погонах. И я читателя хорошо понимаю.

К р у г л о в (*потирает лоб)*: Хорошо. Я дам вам всю фактуру по делу, вы исполните нейтральный текст: событие, органы работают, все дела. В дальнейшем будете получать максимальную оперативную информацию и давать ее дозированно, по согласованию с моим руководством. Дело нескорое, но перспективное. Ваш читатель будет доволен. Ну?

Л и х о н о с: И фотографии?

К р у г л о в: И фотографии.

Л и х о н о с: А полномочия на это у вас есть?

К р у г л о в: Выключайте дурака, Лихонос. И да, вы ведь тоже будете всерьёз копать эту тему, не сомневаюсь. Предлагаю честно делиться информацией на взаимной основе. К обоюдной выгоде.

Л и х о н о с: Ваша выгода понятна, а моя в чём? Мы будем вынуждены давать лишь ту информацию, что потребна вам.

К р у г л о в: А выгода ваша, Николай Леонидович, в том, что эта тварь перестанет жить на свободе. Или просто жить. Такие дела.

Л и х о н о с: Резонно. Ладно, готов пойти на сделку с дьяволом в вашем лице.

К р у г л о в: Вы настоящих дьяволов ещё не видели. При всём моём уважении. Мне пора на отчёт к начальству.

Л и х о н о с: Да и мне.

Уходят.

Я к о в л е в встаёт со стула, медленно возвращается на скамейку в сквер. Его будит Н а т а л ь я.

Я к о в л е в: Что?

Н а т а л ь я: Ты так тут смешно спал, стонал даже. Пошли?

Я к о в л е в: Пошли.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

В квартире Яковлевых на тахте сидит К с е н и я, на журнальном столике горит лампа . В углу детская кроватка. Входят Я к о в л е в с В а л е р и е м, снимают пальто.

Я к о в л е в: Прости, педсовет затянулся. Спит?

В а л е р и й: Ксюша, привет.

К с е н и я: Спит. Нормальный у вас педсовет, гляжу. Прямо пахнет от вас этим педсоветом.

В а л е р и й: Это всё я.

К с е н и я: Ну а кто ещё-то?

Я к о в л е в: Да мы по пятьдесят всего в рюмочной. Ну невозможно же после этой нудятины стресс не снять.

К с е н и я: Педагоги-алкоголики. Обычное дело.

В а л е р и й: Ксюха, давай поцелуемся?

К с е н и я *(чмокает Валерия в щёку)*: Эх, Валерка. Ну что, картошку жареную разогреть? У меня и селёдка есть.

Я к о в л е в: Вот у кого есть такая жена? Ни у кого нет такой жены. А у тебя вообще никакой нет.

В а л е р и й: Я старый больной педагог. Меня девушки не любят.

К с е н и я уходит на кухню.

Я к о в л е в: Не ври мне, тебя Клепикова любит из 10-го "б".

В а л е р и й: И Аронова из 9-го "а".

Я к о в л е в: Ну и вот. Неси уже.

В а л е р и й: Ага.

В а л е р и й достаёт из кармана пальто початую бутылку водки, Я к о в л е в приносит из кухни рюмки, придвигает журнальный столик.

Я к о в л е в: Мы по чуть, Ксюша! Чтоб не скучно было картошку ждать.

Входит К с е н и я с рюмкой и бутербродами на тарелке.

К с е н и я: И мне тогда уж. Только тихо тут, Павку еле уложила.

В а л е р и й: За вас, ребята. За ваш тёплый дом, за Павлика. За рассказ твой, Серёга.

Я к о в л е в: Да ладно тебе. Мы же оба знаем, кто из нас двоих настоящий писатель.

К с е н и я: Рецензия сегодня в "Вечёрке" вышла, слышал?

Я к о в л е в: Донесли. Лиходед какой-то написал.

К с е н и я: Лихонос. Называет тебя... Сейчас. *(Читает из статьи)*. "Современной литературной надеждой нашего города".

Я к о в л е в: Ну, пусть.

В а л е р и й: Молодец ты, Серёжка. В "Новый мир" попасть, не носки штопать.

Я к о в л е в: И ты попадёшь.

В а л е р и й: Не, навряд. Такое не напечатают даже по нашим внезапно вегетарианским временам.

Я к о в л е в: Ну, смягчи акценты.

В а л е р и й: Я что, не пробовал? Хрень какая-то получается, самому читать противно.

К с е н и я: Ладно, писатели, я вам здесь накрою. Только тихо давайте.

В а л е р и й: Обязательно. Давай поцелуемся?

К с е н и я: С Серёжкой целуйся вон, как Чехов с Тургеневым. *(Уходит)*.

Я к о в л е в: Чехов с Тургеневым. Надо же.

В а л е р и й: Имели право, подумаешь... Мне Наташка сегодня звонила.

Я к о в л е в: Не начинай.

В а л е р и й: Я обещал ей.

Я к о в л е в: Ну?

В а л е р и й: В общем, она не в претензии. Полгода - вполне себе срок для осмысления ситуации. Предлагает сохранить нормальные дружеские отношения. Позвони ей.

Я к о в л е в: Позвоню.

В а л е р и й: Я обещал.

Я к о в л е в: Ну и звони тогда сам, я ничего не обещал.

В а л е р и й: Ладно, это ваши дела.

Я к о в л е в: Вот именно.

В а л е р и й: Газету передай. Почитаю как у нас славят передовиков писательского труда.

Входит К с е н и я с тарелками.

К с е н и я: Давайте, пока картошка горячая. Валерка, потом дочитаешь. За тебя, за твой талант. И за то что мы тебя любим.

В а л е р и й: Давай поцелуемся?

К с е н и я: Да ну тебя, дурака.

Я к о в л е в: И что пишут?

В а л е р и й: Пишут, что тебе Нобелевку дадут, как Солженицыну. Хвалят, в общем. Ничего так, бойкое перо у этого Лихоноса. Ты б ему коньяк выставил, что ли.

Я к о в л е в: Мысль. Ксюш, выделишь на коньяк рецензенту из семейного бюджета?

К с е н и я: Да хоть на два. Вместо шапки тебе на зиму.

Я к о в л е в: Нам, писателям, без шапок никак невозможно. У нас тогда все мысли замерзнут.

В а л е р и й: И отогревать их придётся чем? Правильно. *(Разливает остатки водки)*.

Я к о в л е в: Давайте за литературу.

В а л е р и й: И за физкультуру. И за пение.

Я к о в л е в: И за географию. Ты знаешь, Ксю, какая у нас в этой четверти новая географичка появилась? Блондинка, модель просто.

К с е н и я: Из "Плейбоя". Знаю я этих ваших моделей.

Я к о в л е в: Да ладно тебе. Я Валерке уже сегодня говорил, что ему давно пора лечить географический кретинизм. И теперь понятно с кем.

В а л е р и й: У Клепиковой, между прочим, пятёрка по географии.

Я к о в л е в: Старый ты педофил.

В а л е р и й: А кто тут не педофил? Любой нормальный человек любит детей.

Я к о в л е в: И кстати, всякий собачник - зоофил.

В а л е р и й: Да чего там. Сыновняя любовь - первый признак геронтофилии.

Я к о в л е в *(поёт)*: "Ты жива ещё, моя старушка? Жив и я, привет тебе, привет..." *(В а л е р и й подхватывает. Из кроватки доносится плач ребёнка)*

К с е н и я: Просила же как людей. *(Забирает младенца, уносит на кухню)*.

В а л е р и й: Да, чего-то мы. Пойду. *(Одевается)*. Поздравляю еще раз, Серёга. Наташке позвони.

Я к о в л е в: Иди уже, ходатай.

Прощаются, В а л е р и й уходит. Я к о в л е в ложится на тахту, разворачивает газету. Через несколько секунд в комнате Яковлевых медленно гаснет свет и параллельно освещается кабинет К р у г л о в а в левой части сцены. За столом сидят хозяин кабинета и два опера.

Б о р и с: "Жигуль" весь в грязи был, свидетели путаются - то ли синий, то ли вишнёвый.

А л е к с а н д р: Короче, никуда он их далеко не повёз. Вернулись домой зачем-то. Там в сарае и надругался, потом задушил.

К р у г л о в: Доски?

А л е к с а н д р: Выясняем. Мать говорит, что никаких досок на подворье не было, она бы заметила, если б пропали.

Б о р и с: Они короткие. Свободно могли в багажник поместится.

К р у г л о в: Дачник?

Б о р и с: Работаем, но тухляк, похоже. В километре от места не городские дачи: так, сараюшки у местных. Они там шибко-то не строятся - ни заборов, ничего.

А л е к с а н д р: А главное, зачем досками было тела прикрывать? Прикопал бы и всё. Какая разница?

Я к о в л е в во время разговора сидит на тахте, зажав голову руками. Потом встаёт, идёт в кабинет, садится на стул у стены.

К р у г л о в: Не знаю. Возможно, психологически хотел отгородиться от жертв. Одно дело, когда землёй глаза и рты открытые засыпаешь, другое - когда слой досок. И как будто и нет там ничего, под досками-то. Сознание так, щёлк - и переключил. Не знаю, тут определённая душевная тонкость нужна. Ранимость, что ли.

Б о р и с: Нежный какой ублюдок.

К р у г л о в: Всякое бывает. Ладно, давайте ещё раз по фактам.

Б о р и с: Негусто, в целом. С автостанции машина ушла в сторону города, как вернулась на хутор - никто не видел. Там есть хитрый просёлок от дороги, местные, бывает, пользуются. Но это знать нужно. На всё про всё у преступника, скорее всего, было часа три: ориентировочно, с двух до пяти. В округе прошерстили всех - похожих "жигулей" не очень много, ничего пока не бьёт с обстоятельствами. Скорее всего, залётный. А поскольку от федеральной трассы далеконько будет, искать нужно в городе.

К р у г л о в: Точно не группа?

А л е к с а н д р: Вроде нет. Машинка небольшая для компании, да и светанулась группа бы на автостанции или ещё где. У криминалистов тоже подтверждающих фактов нет.

К р у г л о в: Тогда работаем по версии одиночки. Что получается? Вряд ли жулик. Откинувшихся в то время всех проверили. Не маньяк - похожих случаев ни у нас, ни у соседей не зафиксировано. Мать утверждает, что дочери никак не могли в подозрительную машину сесть, строго у неё там с этим было. Но сели.

Я к о в л е в пересаживается в торец стола напротив К р у г л о в а, наблюдает как тот рисует схему на листе бумаги.

Почему? Вот тут большой вопрос, а может быть, и главный. Дар убеждения. Убеждения детей. Учитель. Хороший учитель, в котором дети души не чаят. Сколько у нас в городе мужчин-педагогов с такими "жигулями", тонких и ранимых интеллигентов?

А л е к с а н д р: Да хрен его знает.

Б о р и с: Ясно. Будем работать.

К р у г л о в: Недели хватит? Начальники результат требуют. Им сейчас тоже не позавидуешь.

А л е к с а н д р: Нас бы кто пожалел.

К р у г л о в: Жена дома пожалеет, поплачься ей. Всё, закончили.

Опера выходят из кабинета, Я к о в л е в идёт за ними. Останавливается в дверях, ждёт одевающегося К р у г л о в а. Выходит прямо перед ним, идёт на домашнюю тахту, ложится. К р у г л о в запирает кабинет, уходит.

Сцена освещается только ночником в квартире Яковлевых. Входит К с е н и я, укладывает уснувшего ребёнка в кроватку. Садится на тахту.

К с е н и я: Серёжа, чего ты в одежде-то? Вставай, я постелю.

Я к о в л е в: Постой, дай руку. Смотри, сердце как молотится. Такой кошмар сейчас видел.

К с е н и я: Иди умойся, кошмар жизни моей. Я пока посуду помою.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

В левой части сцены зал ресторана. За столиком Н а т а л ь я и Л и х о н о с. Музыка, ресторанный гул. Неподалёку компания отмечает какое-то событие, слышны невнятные тосты.

Л и х о н о с: А может, в Сочи? Не нужен мне берег турецкий и Африка мне не нужна.

Н а т а л ь я: Можно и в Сочи, но там, Юлька говорит, дорого всё. Дешевле в Анталье отдохнуть.

Л и х о н о с: Как скажешь. Мне, в принципе, ровно. Просто путёвку сейчас уже нужно брать, летом вдвое цены вырастут.

Н а т а л ь я: Да мне тоже ровно. Я уже твоими дурацкими шаблонами разговариваю: "ровно".

Л и х о н о с: Извини, издержки профессии. Журналистика вся построена на шаблонах.

Н а т а л ь я: Так вы же про людей пишите и для людей. Нельзя шаблонами. У вас вырастут штампованные читатели. Миллионы штампованных людей, читающих одни и те же книги, смотрящих одни и те же фильмы, слушающих одну и ту же музыку.

Л и х о н о с: Уже.

Н а т а л ь я: Что, уже?

Л и х о н о с: Уже выросли, ты не заметила? Но я тут не виноват, я в телевизоре не работаю.

Н а т а л ь я: Да какая разница где, если шаблон ваша профессия.

Л и х о н о с: Так я и не спорю особо-то. Виноват, прошу учесть чистосердечное признание и непорочное зачатие. В смысле, непорочное прошлое подсудимого. Подтверждающее письмо от трудового коллектива прилагается.

Н а т а л ь я: Непорочное прошлое как индульгенция на все случаи жизни. Где-то я это уже слышала.

Л и х о н о с: Я, кстати, не верю в непорочное прошлое. У каждого есть свой порок в шкафу.

Н а т а л ь я: Нет пороков в своем Отечестве.

Л и х о н о с: Нет, серьёзно. Хорошо, не порок, но что-то такое стыдное обязательно найдётся. Даже если человек про это стыдное забыл, задвинул его в самый пыльный чулан памяти, оно всё равно там живёт. И в один совсем не прекрасный день вернётся. И аз воздам.

Н а т а л ь я: Всякому по грехам его?

Л и х о н о с: Ну да.

Н а т а л ь я: Откуда такая вера в библейские истины?

Л и х о н о с: Давно живу в профессии.

Н а т а л ь я: Так может это профессиональный вывих понимания картины мира?

Л и х о н о с: А всё может быть... О, какая песня чудесная. Потанцуем?

Н а т а л ь я: Как можно отказать благородному дону? Конечно.

Выходят из-за стола. В танце постепенно приближаются к компании, где всё явственней звучат поздравления виновнику торжества: "С первой книгой тебя, дорогой друг!", "Выпьем за Серёжкин талант!". Высвечивается стол, за которым сидят Я к о в л е в, К с е н и я, В а л е р и й, Ю р и й и еще пара-тройка несущественных в данном повествовании людей.

Н а т а л ь я: А какие у тебя скелеты в шкафу, Коленька?

Л и х о н о с: Не скажу.

Н а т а л ь я: Тогда я тоже не скажу.

Л и х о н о с: И не надо. Сдались мне твои скелеты. Я вообще покойников боюсь.

Н а т а л ь я: Все боятся. Открываешь шкаф, а там покойник. Бр-р.

Заканчивается музыкальная композиция. Едва Н а т а л ь я и Л и х о н о с успевают сесть за свой столик, как к ним подсаживается В а л е р и й.

В а л е р и й: Ната-ашка! *(Чмокает в щёку, представляется Л и х о н о с у)*. Валера. Старый друг Наташки. Лучше новых двух.

Н а т а л ь я *(смеётся)*: Валерка, привет.

Л и х о н о с: Николай. Так мы знакомы же. Пару лет назад: редакция, коньяк с вашим другом-писателем. Потом водка, кажется, и шашлыки в кафе.

В а л е р и й: Ре-цен-зент. Точно. Вот же у тебя память, э-э, напомни как зовут. Извини.

Н а т а л ь я: Николай его зовут, Коля. Муж мой, между прочим.

В а л е р и й: Ко-оля. Натаха, с приличным именем никого не нашлось, что ли?

Н а т а л ь я: Валерка - имя редкое.

В а л е р и й: Серёга! Серё-ога! Тут Наташка и ейный мужик, они все хотят с тобой выпить. Я щас. *(Пытается выйти из-за стола, видит приближающегося Я к о в л е в а, успокаивается)*

Я к о в л е в: Привет, Наташа. Здравствуйте, Николай. Безобразничает?

Л и х о н о с: Кажется, нет. Здравствуйте.

Н а т а л ь я: Здравствуй, Серёжа. Я и не знала, что вы знакомы.

В а л е р и й: О, я тебе сейчас расскажу. Мы тогда пошли в редакцию с коньяком... А зачем мы туда пошли, Серёга? И почему с коньяком? В общем, неважно.

Л и х о н о с: Подношение от благодарных писателей за комплиментарную критику.

В а л е р и й: От писателя. Тут один писатель признанный и настоящий. С книжкой вот теперь. А я - говно.

Я к о в л е в: Валера, перестань. Гляди, тебе Юра сигнализирует.

В а л е р и й: Где? Юр-ра, иду! *(Возвращается к банкетному столу)*.

Н а т а л ь я: Ты всё же выпустил тот свой роман? Поздравляю.

Л и х о н о с *(наполняет рюмки)*: Категорически присоединяюсь. Предлагаю тост за первую книгу. И очень надеюсь, что в будущем ваши биографы не забудут отметить первого благожелательного рецензента. "И в гроб сходя, благословил" - что-нибудь в этом роде.

Я к о в л е в: Спасибо. Искренне тронут. Да, Николай, ваша рецензия тогда мне здорово помогла. А книжка другая, Наташа. Детектив, да. В бумажной обложке. Предлагают договор на серию таких. Вот так. Редактора целого выделили, Юрой зовут. Сегодня приехал, авторские экземпляры привёз, договор, все дела. Вон он сидит, в свитерке. Давайте лучше за вас.

Н а т а л ь я: А с первым романом как?

Я к о в л е в: Никак. Неинтересно это издательствам. Подожду пока изменится конъюнктура.

Н а т а л ь я: Мне жаль, правда.

Я к о в л е в: Ничего, всё ещё впереди. Теперь проще будет.

Л и х о н о с: А вы по-прежнему учительствуете?

Я к о в л е в: Помнится, мы пили на брудершафт.

Л и х о н о с: Ну, мне теперь неловко как-то. Ладно, ты так же в школе работаешь?

Я к о в л е в: Да, нужно завершить учебный год. Потом, конечно, придётся уходить. Просто некогда будет учительствовать.

Н а т а л ь я: И это тоже жаль. Ребятишки, помню, тебя очень любили. Чувствовали твою любовь к ним.

Я к о в л е в: И мне жаль, но никак теперь. Школа уже в прошлом.

Л и х о н о с: Наташа, писатель не должен ходить в школу. Он вообще обязан существовать в отдельных эмпиреях. Про него должны знать, но его не должны видеть. Что это за писатель в трамвае? Это ерунда какая-то, а не писатель. Редкие счастливцы должны гордиться радостью момента пересекания писателем пространства от личного автомобиля до ресторана Дома литераторов. О таких счастливых мгновениях судьбы читатель будет рассказывать внукам уютными зимними вечерами.

Я к о в л е в: Мою машину только рядом с пивной парковать прилично.

Л и х о н о с: Помню, как же. Лиловая "девятка" ведь?

Я к о в л е в: Ну. Пародия на автомобиль.

Л и х о н о с: Да, не джип, на охоту с рыбалкой не выберешься по нашим просёлкам-то.

Я к о в л е в: Да я как-то равнодушен к таким мужским увлечениям, за город редко выезжаю. В лучшем случае, до ближайшего райцентра пару раз в год.

Л и х о н о с: По делам или для вдохновения от общения с неброской, но милой природой нашей климатической зоны?

Я к о в л е в: Да по-разному... Ну, меня там заждались уже. Пойду, так сказать, руки сполосну да пора возвращаться к честной компании. Очень рад был тебя встретить, Наташа. Спасибо, Николай.

Я к о в л е в уходит в противоположную от банкетного стола сторону. В ресторане медленно гаснет свет. Через несколько секунд в другой части сцены Я к о в л е в встает с кровати в своей квартире, обстановка в которой теперь выглядит более респектабельно, чем раньше. Садится, растирает руку.

Я к о в л е в: Чёрт, отлежал. *(Достает из ящика тумбочки флакон валокордина, уходит на кухню)*

(Голос К с е н и и): Опять прихватило?

(Голос Я к о в л е в а): Да ерунда. Профилактика.

Я к о в л е в и К с е н и я возвращаются в спальню.

К с е н и я: А горазд ты днём спать.

Я к о в л е в: Я ж работал до утра почти.

К с е н и я: Пока ты спал, я Павлика к бабушке успела отвезти.

Я к о в л е в: Ну и молодцы вы у меня. Слушай, а давай отменим сегодня на вечер всё это?

К с е н и я: Что, всё? Ресторан?

Я к о в л е в: Угу.

К с е н и я: С чего бы это?

Я к о в л е в: Не хочу. Что-то как-то... Ладно, забудь.

К с е н и я: Три часа уже. Когда твой редактор-то появится?

Я к о в л е в: Не знаю, сказал что после обеда приедет. Московский поезд час уже как пришёл. Если не опоздал.

К с е н и я: Серёжа, ты только не злись, но давай как-нибудь без Валерки сегодня, а?

Я к о в л е в: Как ты себе это представляешь?

К с е н и я: Придумаем чего-нибудь. Вот редактор объявился: скажем, что пришлось ресторан отменить. Важная встреча и всё такое. Ты же сам только что хотел.

Я к о в л е в: Он же всё равно потом узнает.

К с е н и я: Ну, как хочешь - это твой праздник, в конце концов. Только напьётся же твой Валерка как обычно. Ладно бы все свои были, а то гость из Москвы. Насмотрится на твоего дружка и закроют тебе дорогу.

Я к о в л е в: Не закроют. У него договор на руках. Его начальство сюда отправило не моё окружение изучать, а финансовый документ подписать. Редактор издательства никакой не вершитель судеб, а рядовой сотрудник. Там таких с десяток работает, если не больше.

К с е н и я: Смотри сам, тебе виднее, конечно... Я чёрное платье надену - ну, летом покупали с Юлькой, помнишь?

Раздаётся звонок в дверь. Я к о в л е в идёт открывать, возвращается с Ю р и е м.

Ю р и й: Добрый день. *(Целует руку К с е н и и)*. Вы очаровательны. Юра.

К с е н и я: Ксения. Здравствуйте. Как же вы без домофона-то?

Ю р и й: А девочка там была с собакой, впустила меня, грешного. Спросил у неё, на каком этаже самый известный писатель вашего города живёт - не знает. Представляете, Сергей, не знает вас широкий читатель, не знает! Но мы это дело поправим. Два-три месяца - и о Сергее Яковлеве каждый школьник будет знать. И школьница. Уж поверьте.

Я к о в л е в: Верю. Не сказать чтобы я этого очень хотел, но верю.

Ю р и й: Дорогой вы мой человек, скромность - прекрасное качество, но только не в нашем случае. В нашем случае, вы должны стать национальным достоянием, ну или близко к этому. Интервью, билборды, вирусная реклама, фото для глянца - вас ждёт сложная, но увлекательная жизнь. Слава куётся тяжким трудом, да. Тяжким, но приятным.

Я к о в л е в: А писать когда?

Ю р и й: Всегда! В любую свободную минуту. Вы думаете, популярность не мешала Чехову? Но он творил. Интервью, поклонницы, чахотка, Сахалин, сцена, Книппер, брат-алкоголик - легко было Антон Палычу? Нет. И вам легко не будет, обещаю. Но и результат гарантирую.

Я к о в л е в: По коньячку? А то мне как-то неловко ощущать себя Чеховым.

Ю р и й: Конечно. Конечно, по коньячку, дорогой вы мой человек. И конечно вы не Чехов. Вы Яковлев - и это, знаете, тоже звучит гордо. Ну, или зазвучит в самое ближайшее время.

К с е н и я: Я лимон сейчас нарежу. *(Уходит)*

Я к о в л е в достаёт из серванта коньяк, разливает по рюмкам.

Ю р и й: За ваш несомненный талант. Рад знакомству, очень.

Я к о в л е в: Я тоже.

Ю р и й: Да, я же вашу продукцию привёз. В смысле, нашу с вами. *(Выходит в коридор, возвращается с парой книг).* "Взрослый утренник". Вы понюхайте, понюхайте - ещё краской пахнет. Остальные в коридоре.

Я к о в л е в: Спасибо.

Ю р и й: Не представляете, дорогой вы мой человек, как приятно доставлять людям радость на дом. Всякий раз чувствую себя добрым, так сказать, ангелом писателя... Смотрите-смотрите, не отвлекайтесь. А я пока договорчик на подпись приготовлю.

Я к о в л е в: Приятно, чёрт. Где тут что подписывать?

Ю р и й: Ну, нельзя так неаккуратно. Вы почитайте внимательно, вдумчиво. Шесть романов с вас - по два в год. Сквозной герой, острый сюжет обязательно - остальное на ваше усмотрение. Вот здесь общая сумма гонорара.

Я к о в л е в: Ого.

Ю р и й: Ну, мы же солидная контора, верно? Аванс за вторую книгу будет перечислен в течение недели после подписания договора.

Я к о в л е в подписывает бумаги.

Вот и славно.

Я к о в л е в: Скрепим договор рюмкой?

Ю р и й: Обязательно скрепим, обязательно. Поезд у меня только завтра, работа сделана, так что.

Я к о в л е в: Я тут, знаете, сегодня друзей пригласил в ресторан отметить выход книжки. Неделю назад ещё - не знал что вы приедете. Если у вас вечер свободен...

Ю р и й: Свободен, обязательно свободен! Как раз не знал, чем себя занять до отъезда. С непременным удовольствием, с непременным.

Входит К с е н и я в чёрном платье.

Ах! Ксения, я буквально ослеплён вашей красотой. Мы обязательно соорудим такое, знаете, тёплое интервью с писателем в домашней обстановке с красавицей-женой. Больше снимков, меньше текста - нежная ламповая визуализация образа автора. Нужно подумать, для какого глянца.

К с е н и я: Что ж, я готова стойко переносить все лишения и тяжести судьбы, как жена декабриста.

Ю р и й: Что за женщина! Роскошная женщина!

К с е н и я: Вы меня смущаете, Юрий. Давайте я лучше вам покажу рабочее место этого писателя.

Я к о в л е в: Я там пепельницу сегодня не вытряхивал. А ты про лимон забыла.

Ю р и й: Это прекрасно, дорогой вы мой человек! Пойдёмте, пойдёмте.

СЦЕНА ВТОРАЯ

Я к о в л е в работает за компьютером. Ночь. Курит. Пьёт кофе.

Я к о в л е в: Зачем? Ну вот зачем ему переться хрен знает куда? Какая мотивация? Ну допустим, картошка. Так он её в любом магазине может купить. Чего его несёт в какую-то деревню? Ладно, экологически чистая картошка, которой в городе не найдёшь. С чего это? Картошка на асфальте, что ли, растёт? Нет, её из той же деревни в город везут.

Ладно, пусть не картошка. А что тогда? Мясо. Свинина. Без ГМО. А бывает генно-модифицированная свинина? Что у нас интернеты говорят? Бывает, говорят. Допустим. Допустим, жена отправила за здоровым мясом в деревню.

А доски эти долбанные? Зачем он положил в багажник доски? Лежали у подъезда. Украл. И на кой они ему упали? Вор. Читатель понимает, что приличный вроде бы человек - вор. Ну, так себе, но ладно. Червоточинка характера для начала.

Может вор стать убийцей? А на хрена ему? Только если у вора кто-то пытается украсть украденное - тогда есть логика. Хоть какая-то. Так нам не вор нужен, не рядовой убийца. Требуется натуральный изверг под личиной интеллигента.

Объявление подать: "Требуется изверг, оплата сдельная. Спросить писателя Яковлева".

Надоело, устал.

Я к о в л е в укладывается на стоящий в рабочем кабинете диван. В левой части сцены освещается редакционный кабинет Лихоноса. Л и х о н о с и К р у г л о в сидят за столом.

К р у г л о в: Машина ничего не доказывает. Мне бы алиби его пощупать.

Л и х о н о с: Как ты его пощупаешь? Я не помню, что со мной неделю назад было, а тут пять лет прошло. Упрётся что не помнит, и будет прав.

К р у г л о в: И как мы тогда твои догадки оформим в доказательства?

Л и х о н о с: Не знаю. Это ваша работа.

К р у г л о в: Работа, работа, работа... В школе ничего за ним такого не замечали?

Я к о в л е в встает, хочет пройти к говорящим, но не идёт, а опять садится на постель. Потом ложится.

Л и х о н о с: Ты как себе это представляешь? "Не замечали ли вы за будущим писателем педофильских наклонностей?" Я же напросился материал собирать о прекрасном педагоге, ставшем знаменитостью нашего города, а не компромат копать на него.

К р у г л о в: И всё же.

Л и х о н о с: Да в восторге там все от него - и директор, и завуч, и педагогини. Вот приятеля его, Валерия Ильича, тоже словесника, поминают тихим злым словом.

К р у г л о в: Пошто?

Л и х о н о с: По то что пьяница был горький. Старшеклассницы к нему льнули, а он, вроде как, и не препятствовал. Да много там чего ещё наговорили. Но даже директор сообщила, губы поджав: "Предметник отменный был". И сурово, но сочувственно покивала париком.

К р у г л о в: Смотри, тоже ведь персонаж. Ни разу не хуже твоего Яковлева. Мы же все городские школы уже прошерстили - только в этой сразу два героя нашего времени. Сам-то подумай.

Л и х о н о с: У мужчины водительских прав отродясь не было. А там машина - железный фактор.

К р у г л о в: Ну так-то да. Но по психологическому портрету, кто из них двоих больше подходит?

Л и х о н о с: Писатель. Тут всё срастается.

К р у г л о в: Если бы всегда схемы соответствовали действительности... Ладно, Коля, спасибо. Есть над чем поработать. Пойду я уже, поздно.

Л и х о н о с: И всё же, писатель. Не заиграйтесь там.

К р у г л о в: У вас тут в кого ни плюнь, писатель. Обрыдли вы мне.

Л и х о н о с: Менты мне обрыдли больше. Ладно, пока.

Я к о в л е в просыпается, трёт виски. Возвращается к компьютеру.

Я к о в л е в: Так не бывает, корвалолу не напасёшься. Ладно. Изверг, скот, ублюдок. Как к нему подобраться? Энурез. Через детский энурез подберёмся. *(Стучит по клавиатуре).*

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

В квартире Яковлевых за столом сидят К с е н и я и В а л е р и й.

К с е н и я: Не накручивал бы ты себя. Просто работают люди.

В а л е р и й: Ну, он вежливый такой: "Про что пишете? У нас свобода слова, имеете полное право, мы ни разу не против, на здоровье. В нашей истории были тёмные страницы, всё зависит от меры таланта". Твоего в пример приводил, интересовался степенью знакомства. А главное, почему менты, а не чекисты? Вот что в толк никак не возьму.

К с е н и я: Может, случайность?

В а л е р и й: Не знаю. Мне только вчера позвонили, сказали что будут печатать.

К с е н и я: Так слушают же международные звонки наверняка.

В а л е р и й: Не то время сейчас.

К с е н и я: Да прям.

В а л е р и й: Не знаю. Не их это епархия. Гэбня отслеживает идеологию, не менты. И вопросы странные: умеете ли водить машину? как часто выезжаете в районы области? встречаетесь ли с вашими выпускниками в нерабочее время? И про книжку так, впроброс, как будто не она их интересует. Бред какой-то.

К с е н и я: Налить?

В а л е р и й: Нет, не хочу.

К с е н и я: Ничего себе.

В а л е р и й: Ну вот так. Как у Серёги работа идёт?

К с е н и я: Работает.

В а л е р и й: А тот его роман, первый?

К с е н и я: Сам спросишь. Он крысится сразу.

В а л е р и й: Понимаю. Пора мне, Серёжке привет.

Встают. Хлопает входная дверь, в комнату входит Я к о в л е в.

Я к о в л е в: Здрасьте, зяблики. Скучали тут без меня?

В а л е р и й: Я уже отскучал, убегаю.

Я к о в л е в: Да брось, Валерка. Полгода, считай, не виделись. Давай уже посидим по-людски, тряхнём алкогольной зависимостью.

В а л е р и й: Не могу, Серёга, вот правда. Бежать пора.

К с е н и я: Его печатать будут в Австрии. И в серый дом вчера вызывали.

Я к о в л е в: Да ладно? Здорово же, Валер! В смысле, что печатать, а не в серый дом. С органами обойдётся как-нибудь, не те времена сейчас, а вот с книжкой очень даже поздравляю. Давай-ка по рюмке за успех, давай-давай. Грех такое дело не отметить.

В а л е р и й: Никак, Серёга, сегодня, прости уж, правда. И вот ещё что: там в ментуре про тебя расспрашивали как-то не очень равнодушно. Показалось, что-то они на тебя имеют. Просто чтобы знал. Ты там в своих детективах ничего себе лишнего не позволяешь?

Я к о в л е в: Вроде нет. Убил, поймали, в тюрьму. Убил, поймали, в тюрьму. Премия МВД за прошлый год. Да ну. Ты хоть один прочитал?

В а л е р и й: Прочитаю ещё. Ну, смотри сам. Всё, Ксюха, пока. *(Уходит).*

Я к о в л е в: Австрия, значит. Ну, молодец, да. Огребёт только от наших скрепоносцев по полной - за бездуховность, за очернительство истории, за русофобию. И отдельно за зарубежное издательство. Заклеймят и выпотрошат. Зря это.

К с е н и я: Серёжа, а чего бы тобой органы интересовались? Валерка вон сказал.

Я к о в л е в: Не знаю. Показалось ему, похоже. Ну, круг знакомых, наверное, прощупывали просто. Да ну, ерунда это всё... Ладно, кормить меня будешь? Голодный, как морская свинка.

К с е н и я: Свинка ты сухопутная. Минут через двадцать всё готово будет

Уходит на кухню. Я к о в л е в включает телевизор, ложится на диван с пультом. Переключает каналы, останавливается на криминальной хронике, где идёт сюжет о растлителе несовершеннолетних.

Освещается левая часть сцены. Н а т а л ь я и Л и х о н о с обедают у себя дома.

Н а т а л ь я: Валерка позлее был, что ли. Преподавателям дерзил, комсорга курса побил однажды в общаге. По делу, в общем, побил, конечно... А Яковлев спокойный такой парень, ровный. Надёжный, я бы сказала. Из хорошей семьи мальчик.

Л и х о н о с: А мне всё сдаётся, что гнильца какая-то у него внутри. При всей внешней доброжелательности, интеллигентности, чувстве юмора.

Н а т а л ь я: Перестань. Ты меня этим никак не заденешь.

Л и х о н о с: И в мыслях не было. Ты же не могла влюбиться в подонка. Просто решаю сейчас на работе один ребус, и всё он как-то не складывается. Вернее, складывается как-то неправильно.

Н а т а л ь я: А Яковлев здесь причём?

Л и х о н о с: Да вроде ни при чём. Наверное. Факты указывают на такой странный типаж, чем-то его напоминающий.

Я к о в л е в заходит в комнату, встает за Н а т а л ь е й, кладёт руки ей на плечи.

Н а т а л ь я: Ох уж мне эти твои расследования. Взяточника какого-нибудь опять раскручиваешь. Ну какой из Яковлева коррупционер, сам подумай. Он писатель, дети его любят, в семье всё хорошо. Не выдумывай.

Л и х о н о с: Если бы взяточника. Там просто тварь конченая.

Н а т а л ь я: Тогда это точно не он.

Л и х о н о с: Да понятно что не он. Ладно, давай чисто умозрительно, безо всякого Яковлева. Вот живёт себе человек: вполне себе благополучный, уважаемый в семье и обществе, успешный - и при этом твой близкий приятель, друг даже. И внезапно ты узнаёшь, что он имеет необычное хобби: скажем, изредка убивать старушек. Ну, нравится ему это. Твои действия? Нет, не действия. Что ты почувствуешь, получив неопровержимые тому доказательства?

Н а т а л ь я: Яковлев? Старушек?

Л и х о н о с: Не Яковлев, но старушек. Какой-то твой отвлечённый, не персонализированный друг. Ну? Твои чувства?

Н а т а л ь я: Обида.

Л и х о н о с: Почему обида? Не понимаю.

Н а т а л ь я: Откуда я знаю? Потому что обман, потому что он меня обманул.

Л и х о н о с: И всё?

Н а т а л ь я: Не всё. Потом ощущение липкой мерзости, до тошноты. Потом уже ужас от чувства вины. Перед собой вины, не перед кем-то. Что не увидела, не распознала, не догадалась... Ну что у тебя вечно за дурацкие вопросы?

Я к о в л е в уходит к себе.

Л и х о н о с: Прости. Всё время думаю об этой истории. Если удастся в ней разобраться, будет сенсация федерального уровня. Кажется, недолго уже осталось - выйдет или так, или эдак. Хотел сверить ощущения, для себя что-то понять окончательно. А тут ты подвернулась. Больше не буду. Если хочешь, поставь меня в угол.

Н а т а л ь я: Знать ничего про эти твои истории не хочу. Помои какие-то. В душ пойду.

Н а т а л ь я уходит. Л и х о н о с пьёт остывший чай, потом набирает номер на мобильнике.

Л и х о н о с: Евгений Георгиевич, извините что домой... Разворот хочу в следующий номер... Криминал... Нет, не тот случай. Совершенная сенсация... Гарантирую... Нельзя на сайт раньше, операция только готовится... Абсолютно верный источник, вы же меня знаете... Да, в следующий понедельник текст уже будет на вёрстке... Спасибо. Спокойной ночи.

Я к о в л е в просыпается, садится за стол, смотрит в экран телевизора, где долго и громко идёт бравурно-пошлый эстрадный концерт.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

В более чем респектабельной квартире Яковлевых за накрытым столом сидят Я к о в л е в, К с е н и я, Ю р и й, П а в е л.

К с е н и я: Хватит ему.

П а в е л: Ну, мам.

Я к о в л е в: Сегодня можно. *(Наливает сыну вино)*. Скажи что-нибудь, Паша.

П а в е л *(встаёт)*: Хорошая она была, тётя Наташа. Добрая. Я к ней бегал, чтобы она уговорила щенка мне подарить на день рожденья, колли. В третьем, что ли, классе. А вы так и не подарили. С ней вообще обо всём можно было поговорить. Мне её очень теперь не хватать будет. Не знаю что ещё.

Я к о в л е в: Светлая память Наташке. Пусть ей там будет хорошо.

Выпивают стоя, не чокаясь.

К с е н и я: Девять дней всего ведь прошло, да... Юра, давайте я вам салату ещё положу.

Ю р и й: Обязательно. Я ведь новопреставленную и не знал почти. Помню что красивая женщина была. И судя по вашим словам, человек замечательный. Очень сочувствую вашему горю, очень.

Я к о в л е в: Сгорела в одночасье. Два месяца.

Ю р и й: Два месяца, всё же. Нет, дорогие вы мои, я бы хотел инфаркта, чтобы сразу, чтобы ни себя, ни родных, так сказать. Вечером лёг, утром не проснулся. Такой у меня жизненный план.

Я к о в л е в: Жизнерадостный ты человек, Юра. Завидую.

Ю р и й: Такое свойство организма, ничего не могу с этим поделать. Не получается грустить больше двух минут. Многия печали - многия несделанные дела. А дел у нас впереди громадьё, между прочим. Надо бы их обсудить, Сергей.

Я к о в л е в: Давай попозже. Поминки у нас как-никак.

Ю р и й: Всей душой понимаю. Никуда дела от нас не уйдут, успеется.

К с е н и я: Платёж вы задержали в прошлый раз на две недели.

Ю р и й: Не господь бог я, Ксения Викторовна, случаются в нашем деле такие досадные случайности. Контрагент подвёл, простите меня, грешного.

К с е н и я: И процент за серёжину книгу наверное тоже вовремя себе не выплатили?

Ю р и й: Именно, свет души моей, именно.

Я к о в л е в: Послушайте, хватит уже. Угомонись, Ксюша.

К с е н и я: Да, горячее готово. Сейчас принесу. *(Уходит).*

П а в е л: А у нас вчера из тюрьмы рецидивист сбежал. Весь город на ушах стоит.

Ю р и й: Надо же. То-то пока в такси ехал, смотрю, на каждом перекрёстке у вас полиция с собаками и автоматами.

П а в е л: Да. В новостях сказали, что скорее всего где-то в центре города затаился.

Ю р и й: Не иначе детективов батюшки вашего начитался преступник-то. Всё надеется уйти от всемогущего полковника Синицына. Не пройдёт, этот номер, точно вам говорю.

Я к о в л е в: Юра, ты не знаешь, отчего меня от тебя часто просто физически тошнит?

П а в е л: А тебя ото всех тошнит.

Ю р и й: Как же не знать? Знаю. Я человек мелкий, приземлённый, услужливый - титанам духа не ровня. Титаны пишут в вечность, двигают вперед отечественную, так сказать, словесность. А мир наш материален - вот беда-то какая. Титанам кушать надобно да и семью содержать. Вот тут и не обойтись без мелких людишек, которые их новую книжку продвинут, гонорар из издательства выбьют, с переводом во Франции договорятся. Никак без них не получается, приходится терпеть, за один стол сажать. Обязательно тошнить будет, дорогой мой человек. Как тут не понять.

П а в е л: Да и Махатма Ганди помер, по слухам. Поговорить не с кем.

Я к о в л е в: Ты поговорить хочешь?

П а в е л: Я-то не хочу, это ты, гляжу, хочешь.

Я к о в л е в: Карманы выверни.

П а в е л: Вы, папенька, никак в полковника Синицына сейчас играетесь? Не стоит, право. Я вам, сударь, не гимназистка из ваших детективов.

Ю р и й: Серёжа, Серёжа! Ну зачем? Оставь юношу в покое. Настроение паршивое, поминки - всё понимаю. Вот он я, весь на твоё усмотрение: плюй в глаза - утрусь смиренно. Давно с творцами работаю, натуру их мятежную знаю, всегда готов служить громоотводом. Но в сына-то за что молнии метать? Мечи в меня, Юпитер, я весь в твоей власти.

Я к о в л е в: А затем, что в кармане у юноши сейчас лежит маленький такой флакончик с белым порошком. Ему этот волшебный порошок вот уже год как дядя Юра из столицы привозит. Подарок на дорожку называется. Оплачивается частью папиных гонораров, да. Малой частью, незаметной почти. Папа же лох, он же финансовыми вопросами не интересуется. А мама не выдаст. Правда, мама?!

Входит К с е н и я. Стоит, прислонившись к дверному проёму.

П а в е л: Семейная идиллия. Картина "Жизнь удалась".

К с е н и я: Паша, ты в клуб собирался. Ступай.

П а в е л: Действительно. Ладно, надеюсь застать по возвращении здесь кого-нибудь в живых. *(Уходит, возвращается).*

Как там с твоим заветным романом, пап? Ну, ради которого всё вот это. Не хотят издавать, да? Так может это не они козлы, а тебе самому уже давно ничего не нужно? И без того деньги, известность, почёт и уважение. Это для тебя главный наркотик, куда там кокосу какому-то.

Ты же совсем другим был раньше, пока дядя Валера не уехал. Теперь ещё и Наташи не стало. Ты же один теперь остался, мы не в счёт. Давай, крепи дальше благосостояние семьи. Писатель. *(Уходит).*

Пауза.

К с е н и я: Стейки нести?

Я к о в л е в: Неси.

К с е н и я уходит на кухню.

Ю р и й: Я так понимаю, что новые предложения мы обсудим завтра. Там есть интересные.

Я к о в л е в: Да, завтра.

Появляется К с е н и я, расставляет тарелки с бифштексами.

К с е н и я: Вот, ешьте пока не остыли.

Ю р и й *(наливает всем рюмки)*: Красивая хозяйка, радушный дом, прекрасный стейк - что еще нужно человеку для счастья?

К с е н и я: Тепла. Тепла и доверия.

Ю р и й: В смысле?

К с е н и я: Человеку для счастья нужно тепло и доверие. Больше ничего. Совсем немножко. Нужно знать, что ты для кого-то очень важен, что от тебя нет секретов, что двое - это когда вместе, а не по отдельности. Если этого нет, то счастье превращается в муляж. Трудно жить в ненастоящем, знать, что настоящее - это не ты, а кто-то другой. *(Встаёт из-за стола, подходит к траурному портрету Натальи на полке, поворачивает его к себе).*

И так проходит вся твоя жизнь, в отражённом свете. Когда-то давно свет был отправлен к далёкой звезде, отразился от неё, вернулся - и ты греешься в остатках этого чужого тепла. Греешь им дом, а он становится всё холоднее и холоднее. Дом растёт и богатеет, но в нём всё потихоньку теряется: носки, чашки, кошки, телефоны. Люди теряются: вот он только что был - маленький, смешной, родной, с температурой, кашлем и пятёрками в дневнике. А вот уже его и нет, потерялся. Всё остывает - как эти стейки.

А потом гаснет далёкая чужая звезда, и ты понимаешь, что больше не будет ни тепла, ни доверия. Совсем. Останутся только временные люди со своими тайнами и секретами. Целый холодный дом сплошных секретов... Это был тост, если кто не понял. Не чокаясь.

Выпивают, закусывают, молчат.

Ю р и й: Н-да. Счастье вообще штука неосязаемая и эфемерная. И нефиксируемая в конкретный отрезок времени. Мы только потом осознаём: вот оно когда было-то, надо же. А сами...

Я к о в л е в: Фиксируемая.

Ю р и й: Что?

Я к о в л е в: У меня счастье категория фиксируемая. Я точно знаю, когда оно наступает и точно знаю, что это полноценное, абсолютное и беспримесное счастье. Таких мгновенных ярких вспышек счастья наперечёт. По крайней мере, у меня так.

Ю р и й: Поделись рецептом, не держи в себе.

К с е н и я: Я знаю про что ты.

Я к о в л е в: Счастье - это мгновенное избавление от несчастья. Случайное, невозможное уже спасение из кромешной бездны.

Ю р и й: Бездны бытия?

Я к о в л е в: Не могу объяснить. Да и не поймёшь ты.

Ю р и й: Ну и ладненько. Действительно, дом сплошных секретов. Пойду я. Однако текущие дела не требуют отлагательств, дорогой вы мой человек. Я завтра объявлюсь. Часиков в двенадцать, да?

Я к о в л е в: Нет.

Ю р и й: В смысле?

Я к о в л е в: Не объявляйся. Ни завтра, ни послезавтра - вообще никогда больше.

Ю р и й: Не понимаю. Ксения, душа моя, что у вас здесь сегодня творится?

К с е н и я: Сегодня у нас день знаний и закрытых дверей. Я вас в гостиницу, Юра, отвезу. Пойдёмте такси вызывать. Поговорим по дороге о судьбах большой литературы и категориях счастья.

Ю р и й и К с е н и я уходят. Я к о в л е в поправляет портрет Натальи.

Я к о в л е в: Вот так, Наташа. Вот так.

Раздаётся звонок телефона, Я к о в л е в отвечает на вызов.

Я же сказал больше не объявляться, Юра... Валерка получил Большой Букер? Серьёзно?.. Как австрийский писатель?.. Понятно... Зовёт тебя агентом в России?.. На здоровье, не возражаю... *(Кладёт трубку).*

Вот так, Наташа.

СЦЕНА ВТОРАЯ

Я к о в л е в продолжает сидеть за поминальным столом, который теперь занимает правую часть сцены. В левой части Б о р и с и А л е к с а н д р стоят у

полицейской машины. Ментовская суета. Включается рация: "Третий, ответьте. Приём".

Б о р и с: Третий.

Из рации: "Как обстановка, доложите".

Б о р и с: Непонятная. Блокировали четыре дома, ведём активный поиск.

Из рации: "Поквартирный?"

Б о р и с: Ясен... В смысле, да, поквартирный.

Из рации: "Ясно. Продолжайте".

Б о р и с: Ясно им. А мне вот ни хрена не ясно. Какая это точная информация, если без номера квартиры.

А л е к с а н д р: Ну. Четыре дома. А чего не весь квартал? Военных привлекли бы, армейскую операцию провели.

Б о р и с: Ладно, ОМОНом обойдёмся. Вон, усиление прибыло. Сходи, задачу поставь.

А л е к с а н д р: Ага. *(Убегает).*

Я к о в л е в кладёт голову на стол. К Б о р и с у подходит К р у г л о в.

К р у г л о в: Весь центр в пробках встал. Припомнят нам завтра в прессе.

Б о р и с: Ты, кстати, Лихоноса сегодня читал?

Я к о в л е в выходит из квартиры, садится на бампер полицейского авто.

К р у г л о в: А сам-то как думаешь?

Б о р и с: Думаю, что это ты ему отмашку дал на публикацию.

К р у г л о в: Соображаешь.

Б о р и с: Так брать же надо. Уйдёт.

К р у г л о в: А мы что тут с тобой делаем?

Б о р и с: Так беглого же ищем.

К р у г л о в: Вот пусть ОМОН и ищет. Мы же по другой теме работаем.

Б о р и с: Я так понимаю, что беглых никаких и не было. Операция прикрытия.

К р у г л о в: Я бы не исключал такой возможности.

Подходит А л е к с а н д р.

А л е к с а н д р: 72-й дом чешут.

К р у г л о в: Как раз наш, 97-я квартира. Пошли.

Я к о в л е в возвращается домой, вновь кладёт голову на стол.

А л е к с а н д р: Да там между толстых сейчас не протолкнёшься. Они со спецсредствами - двери вскрывают, если никто не откликается.

К р у г л о в: Пусть работают. Пошли.

А л е к с а н д р: Да куда пошли-то? Чего вы тут дуркуете?

Б о р и с: Пошли-пошли. Ствол приготовь.

Уходят.

Я к о в л е в поднимает голову от стола, наливает себе рюмку.

Я к о в л е в: Надо же, сколько лет не снилось, забыл даже. Уф-ф. Что они знают про счастье.

Выпивает, идёт к окну, выглядывает во двор. Возвращается за стол, садится, смотрит в одну точку.

Раздаётся звонок в дверь, повторяется несколько раз. Снаружи требовательно стучат. Невнятный голос призывает: "Полиция! Откройте немедленно, иначе взломаем дверь!".

Я к о в л е в: Иду уже, иду!

Продолжает неподвижно сидеть за столом. Шум за входной дверью усиливается.

Я к о в л е в сидит.

Ноябрь 2018 года